

Воспользовавшись паузой, Цяо Чжэн сбросила высокие каблуки и босиком быстро зашагала вперёд.

Когда Янь Цзэ доставила её обратно в общежитие, Цяо Чжэн наконец не смогла сдержать слёз.

До этого она держалась, сдерживала, но теперь, под привычным светом лампы, струна в её душе оборвалась. Только что в тёмном переулке было так темно, что свет в комнате казался ослепительно ярким.

Свет ударил ей в глаза, и слёзы хлынули потоком.

Она совершенно забыла, что рядом находится её начальница.

После того как она чудом спаслась, ей было не до сохранения образа. Она всхлипывала, издавая тихие звуки, то и дело шмыгая носом.

Большая часть салфеток с прикроватного столика была израсходована, и, вытерев слёзы и сопля, Цяо Чжэн грубо скомкала их и бросила на пол.

Теперь пол был усеян белыми комками, словно после града.

Цяо Чжэн нанесла яркий макияж, но, вернувшись в комнату, забыла его снять. Слёзы размыли краску, оставив красные и фиолетовые пятна, а на губах ещё блестели остатки блеска.

Немного посидев, Цяо Чжэн вспомнила о чём-то, указала пальцем в определённое место и, всхлипывая, произнесла что-то, но слова прерывались икотой и носовыми звуками.

Янь Цзэ не разобрала:

— Что ты сказала?

Цяо Чжэн всхлипывала так, что не могла толком говорить, и, не повторяя, сама подошла к ящику, вытащила маленькую коробочку.

Янь Цзэ не знала, что это было, но увидела, как Цяо Чжэн открыла коробочку и с помощью инструмента сняла контактные линзы.

...

Сняв линзы, Цяо Чжэн сильно потёрла глаза и громко зарыдала.

...

Янь Цзэ думала, что слёзы красавиц всегда изящны и трогательны, но оказалось, что они могут быть и бурей, и воем.

В конце концов голос Цяо Чжэн стал хриплым, дыхание слабело.

Немного посидев, она упала на кровать и закрыла глаза.

Янь Цзэ посмотрела на её ступни — нежные, словно их можно было повредить лёгким прикосновением, пальцы ног, как виноградные ягоды из нефрита, круглые и милые.

У обычных людей подошвы ног и пятки, которые больше всего соприкасаются с землёй при ходьбе, покрыты толстой кожей, но у Цяо Чжэн всё было иначе — каждая часть ступни была нежной, белой с розовым оттенком.

После того как она босиком прошла этот путь, её белые подошвы были покрыты мелкими вмятинами от камней, и густые красные следы вызывали жалость.

— Не ложись, пойдёшь умойся и помой ноги.

Цяо Чжэн поднялась с кровати, как рассерженный гусь, с шумом выдыхая воздух через ноздри.

Она сняла куртку, надела тапочки, причём наизнанку, и, шаркая, направилась в ванную.

Янь Цзэ хотела сказать, что она не взяла пижаму, но Цяо Чжэн уже закрыла дверь.

Она хотела постучаться и напомнить, но дверь оказалась не заперта, и, слегка нажав, она открылась. Цяо Чжэн снимала одежду, стягивая кофту через голову, волосы рассыпались, обнажая плечи и талию, которые под светом лампы приобретали необычный блеск. Её слегка вогнутая талия, казалось, могла бы идеально поместиться в ладони.

Янь Цзэ с грохотом закрыла дверь и села, чтобы успокоиться.

В таком состоянии Цяо Чжэн Янь Цзэ не могла уйти, поэтому она спустилась вниз, принесла сегодняшние тетради с ошибками и села проверять их.

Сегодня её работа шла медленно, так как ей приходилось постоянно прислушиваться к звукам из ванной.

Вода остановилась — значит, наносит гель для душа.

Вода снова пошла — смывает гель.

Вода снова остановилась — значит, закончила, вытирается.

Минута, пять, десять.

Почему так долго? Янь Цзэ уже не могла сосредоточиться на заданиях. Она крадучись подошла к двери, подняла руку, чтобы постучаться, но, приблизившись к двери, опустила её и, повернувшись, приложила ухо к двери, прислушиваясь. Внутри не было звуков.

Дверь была приоткрыта, и из щели выходил горячий пар, обжигая её лицо.

Она не решилась открыть дверь и позвала снаружи:

— Цяо Чжэн, ты закончила?

Никакого ответа.

— Цяо Чжэн, ты меня слышишь?

Снова тишина.

Когда она уже собиралась войти, Цяо Чжэн вышла, завернутая в полотенце.

Глаза были красными, щёки покраснели от пара, волосы мокрыми прилипли к плечам.

Кожа, промытая горячей водой, казалась ещё нежнее. На некоторых участках её тела были небольшие тёмные точки, которые не портили общую картину, а наоборот, делали её тело более игривым и милым.

Цяо Чжэн немного успокоилась и тихо сказала:

— Спасибо тебе за сегодня.

Затем она снова чуть не заплакала.

Цяо Чжэн вытирала волосы полотенцем и заметила, что все бумажные комки на полу были убраны.

Вот это да, обычно подчинённые подают начальнику чай, а тут всё наоборот.

Янь Цзэ тихо вздохнула, её глаза были ясными, но слова звучали резко:

— В следующий раз одевайся теплее. Мы живём в эпоху умеренного благосостояния, не нужно экономить на ткани.

Цяо Чжэн села на кровать, накрылась одеялом, её резкость поутихла. Даже если она не соглашалась с её словами, она не стала отвечать в своей обычной манере. Теперь она съёжилась, как птичка, попавшая под дождь, и жалобно сказала:

— Это моя вина? Всё моя вина. Почему ты не разбила голову этому мерзавцу? Обвинять жертву — это легко.

— Я выразилась неправильно, это не твоя вина. — Янь Цзэ опустила голову, честно признав свою ошибку.

Цяо Чжэн увидела, что начальница признала свою ошибку, и не стала её дальше мучить, решив дать ей возможность выйти из ситуации.

— Нет, ты права. С завтрашнего дня я... начну носить брюки. — Её голос становился всё тише, а лицо покраснело.

Услышав это, Янь Цзэ тоже заметила, что с начала учебного года эта павлинка действительно почти не носила брюк!

Цяо Чжэн невольно потрогала свои бёдра:

— Я давно их не носила, боюсь, что будет жарко.

... Вот уж точно, всё усложняет.

— Ты сегодня боялась? — неожиданно спросила Янь Цзэ.

Мысли Цяо Чжэн вернулись к тому тёмному переулку. После горячего душа её тело уже расслабилось, но произошедшее всё ещё вызывало у неё тревогу.

— Боялась. — Тихо произнесла она, и воздух вокруг будто замер.

Для человека, который обычно болтлив, шутлив и любит играть на публику, односложный ответ был редкостью.

Янь Цзэ перед вопросом представляла множество возможных ответов Цяо Чжэн.

«Я так боюсь», «Я чуть не умерла от страха», «Как я могла не бояться», «Ой, не говори об этом, я боюсь»...

Цяо Чжэн, сказав это, украдкой посмотрела на начальницу. Та смотрела вдаль, её взгляд был расфокусирован.

Она бесчисленное количество раз хотела сфотографировать профиль начальницы.

Этот ракурс был почти идеальным, в обычном свете лампы он излучал редкую ауру. Её пронизательные глаза, казалось, могли видеть всё насквозь.

На столе лежала открытая тетрадь с ошибками, на которой красными чернилами было написано два больших иероглифа: «Десять раз».

Мысли Цяо Чжэн вернулись, и она содрогнулась. Если бы она была ученицей Янь Цзэ, ей бы пришлось каждый день заниматься математикой до поздней ночи?

У дочери учителя Лэй, Лэй Сяоянь, скоро день рождения. Лэй Сюэмин не помнил ничьих дней рождения, но его жена напомнила.

— Лэй, ты сегодня дежуришь? Если нет, приходи пораньше, у Янь день рождения. Несколько дней назад Янь говорила, что наш зять Сяо Чжан тоже придёт. — Лю Лицзюань была довольна браком дочери и с радостью хотела увидеть зятя.

Лэй Сюэмин, услышав, что зять придёт, нахмурился:

— Он придёт? Ладно, посмотрим, что за зелье он дал нашей дочери.

Лю Лицзюань рассмеялась в трубку:

— Ты, старый дурак. Я думаю, что учитель Сяо Чжан — красавец, и характер у него хороший. Я согласна, а если ты не согласен, то иди куда подальше.

Вернувшись домой в тот день, Лэй Сюэмин специально причесался, сломав одну зубчатку, так как он несколько дней не причёсывался, и волосы спутались. Чтобы выглядеть бодрее, он нанёс немного геля для волос, открыв весь лоб.

Он сменил свою стандартную рубашку китайского учителя математики на чёрный шерстяной свитер, а ботинки начистил до блеска.

Отлично, теперь я — тот самый величественный и грозный отец.

Однако, когда он вернулся домой вечером, дочь и жена были на месте, но зятя не было.

<http://bllate.org/book/15542/1382902>